

Федосова Татьяна Викторовна – Технологический институт Федерального государственного автономного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге; e-mail: fedosova.tv@ya.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: +79282141949, кафедра экономики; к.э.н.; доцент.

Fedosova Tatyana Viktorovna – Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: fedosova.tv@ya.ru; 44 Nekrasovsky, Taganrog, 437928, Russia; phone: +79282141949; the department of economy; cand. econ. sc.; associate professor.

ББК 67.3

В.В. Клочков

ПРЕРОГАТИВНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ АНГЛИЙСКОЙ МОНАРХИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

Статья посвящена анализу исторического развития представлений о королевской прерогативе и ее теоретическому оформлению. Автор рассматривает привилегии и полномочия английского монарха, их юридические основания и соответствующие им компоненты королевской прерогативы, включая ординарную, экстраординарную, феодальную прерогативу и прерогативу по божественному праву. Проводится анализ идей и точек зрения на королевскую прерогативу известных английских юристов, политиков и общественных деятелей эпохи. В работе также рассмотрен ряд вопросов по историографии данной проблемы.

Королевская прерогатива; ординарная прерогатива; экстраординарная прерогатива; английская монархия; Англия в раннее Новое время.

V.V. Klochkov

PREROGATIVE POWERS OF THE ENGLISH MONARCHY IN EARLY MODERN TIMES

This article analyzes the historical development of ideas about the royal prerogative and its theoretical formulation. Author examines privileges and powers of English monarch, their legal basis and the appropriate components of the royal prerogative, including ordinary, extraordinary, feudal one and prerogative of «jus divinum». The article analyses ideas and viewpoints on the royal prerogative of the famous English lawyers, politicians and public figures of the epoch. The paper also discusses a number of issues on the historiography of the problem.

The royal prerogative; ordinary prerogative; extraordinary prerogative; English monarchy; Early Modern England.

Монархия абсолютна по определению, в этом заключается ее политический смысл. Монархическая власть могла быть реализована в различных стилях властвования. Принимал ли монарх решения лично, позволял ли принимать такие решения за себя ближайшему кругу своих приближенных или устранялся от дел, как это некогда сделал Генрих VIII, – количество лиц, осуществляющих управление, не имело особого значения, поскольку их действия подкреплялись королевским авторитетом. Именно корона была высшей инстанцией власти. С середины XVII в. ни один монарх не позировал для парадного портрета без ее торжественного сияния. Для персональных монархий раннего Нового времени вопрос о том, что может делать монарх и каковы границы его власти или прерогативы, был одним из наиболее существенных в политической повестке.

Как и в случае с парламентом, сэр Джон Фортескью является ответственным за появление основ теории королевской прерогативы. Ему принадлежит утверждение о том, что английские короли находились в исключительном положении именно потому, что, нуждаясь в одобрении парламентом законов и налогов (*dominium politicum*), обладали и собственным набором полномочий (*dominium regale*) [1]. И так же, как и в первом случае, Фортескью был не совсем прав: *dominium politicum et regale* было в Европе повсеместным явлением, а не исключением [2]. В английской политической практике общим местом была убежденность в том, что монарху, который пользовался доверием своего народа, не нужно было отчуждать собственность подданных силой: они свободно отдавали ее на законные нужды монарха. Абсолютная власть короны в ее прерогативной сфере также не подвергалась сомнению, поскольку монарх здесь выглядел не угрозой, а гарантом прав подданных [3].

Определение королевской прерогативы было впервые дано знаменитым правоведом Э. Коком (1552–1634). Он писал: «*Praerogativa* происходит от слов *prae*, т.е. до- и *rogare*, т.е. спрашивать или требовать заблаговременно, из которых получается *praerogativa*, обозначающая наивысший орган, потому что хотя акт и прошел обе палаты, лордов и общин, в парламенте, однако до того, как он станет законом, на него должно быть испрошено, или истребовано, или достигнуто королевское согласие, и в этом заключается смысл этого термина». Э. Кок подчеркивал, что этот термин охватывает все полномочия, преимущества и привилегии, которые закон дает короне [4]. В XIII в. юрист Г. Брактон (1210–1268) именовал эти права и преимущества «вольностями» (*libertatem*) и «королевскими привилегиями» (*privilegium regis*) [5]. Позднее У. Бриттон, следуя Первому Вестминстерскому статуту, именовал преимущества королевской власти «правом короля» (*droit le roi, jus regium*) и «правом королевской короны» (*jus regium coronae*) [6].

Подобным же образом определял суть королевской прерогативы и знаменитый юрист XVIII в. У. Блэкстоун (1723–1780). В «Комментариях к законам Англии» он писал: «Под термином прерогатива мы обыкновенно понимаем то особое преимущество, которое король имеет относительно и сверх всех других лиц и которое вытекает из обычного порядка и общего права (*common law*) в соответствии с правом королевского достоинства. Оно обозначает в своей этимологии нечто испрашиваемое или истребуемое до, или в предпочтение ко всем другим» [7, 8].

В конце XIX в. известный исследователь английских политических институтов У. Стаббс отмечал, что «королевская прерогатива не была в своем происхождении вымыслом теоретиков. Она выросла из определенных условий национальной жизни, из которых некоторые существовали до нормандского завоевания, другие были результатом этого великого изменения, третьи стали следствием особого хода правления Генриха II и его наследников» [9].

Из обобщенного определения У. Стаббса, сделанного на основании предшествующих комментариев, очевидно, что уже в Новое время под королевской прерогативой понимались не произвольные преимущества и привилегии королевской власти, проистекающие из ее особого статуса, но лишь те из них, которые базировались на традиционном английском праве. Характер этого правового основания, по верному замечанию В. А. Томсинова, определял и вид прерогативы [8].

То обстоятельство, что в историографии не уделяется достаточного внимания проблемам обоснования королевской власти, вызывает недоумение. Английские историки концентрировали свое внимание на тех элементах государственного устройства, которые способствовали росту и укреплению прав и свобод английского народа, а не тех, которые обосновывали власть монарха. Можно без преувеличения сказать, что излишняя убежденность в агрессивности «абсолютизма» породила не слишком внимательное отношение к неотъемлемым полномочиям короля (*dominium regale*), которыми он всегда обладал [3].

Такое отношение к одному из ключевых аспектов проблемы трансформации политических институтов в истории монархий раннего Нового времени покажется еще более удивительным, если вспомнить, что современники событий отнюдь не были столь равнодушны к проблеме обоснования королевской власти. Применительно к истории Англии королевские прерогативы перечислялись во многих трактатах с поражающей воображение скрупулезностью.

Одним из первых случаев документальной фиксации королевской прерогативы является так называемый Мальбриджский статут (*Statutum de Marlebridge*), принятый в 1267 г. В статье 16 данного статута говорилось об обеспечении права короля при наследовании земли в случае смерти лица, державшего от него землю на феодальном праве (*prima seisin*) [10, 11]. Позднее аналогичная прерогатива была зафиксирована в специальном сочинении «*О королевской прерогативе*», которое в 1324 г. обрело значение статута [12]. Сам документ был предположительно составлен в период правления Эдуарда I (1272–1307) и представлял собой инструкцию, в которой король сообщал своим судьям и вассалам о правах, вытекающих из его статуса не только верховного сеньора, но и монарха. Существует мнение, что данное сочинение является трактатом, специально написанным неизвестным частным лицом в обоснование различных прерогативных полномочий монарха [13].

Права и привилегии короля, изложенные в статуте «*О королевской прерогативе*», сохраняли свое практическое значение вплоть до революционных событий середины XVII в. В 1548 г. на основании этого статута правовед У. Стонфорд создал специальный трактат «*Описание королевской прерогативы*». Трактат вышел в свет в 1567 г. и до начала XVII в. четырежды переиздавался, а также использовался в качестве учебника в королевских иннах. Таким образом, королевская прерогатива была для современников понятием, наполненным реальным историческим и юридическим содержанием. Именно в этом смысле следует понимать меткое замечание Г. Элтона о том, что «все ошибки и промахи английских монархов не дают оснований отрицать наличия закона, по которому они правили» [15].

Исходя из содержания многочисленных сборников, посвященных королевской прерогативе, ключевые полномочия английской короны в том виде, как они оформились к началу раннего Нового времени, базировались на положениях римского частного права, которое именовалось гражданским правом (*civil law*) или правом народов (*law of nations*). Эти полномочия составляли абсолютную или экстраординарную прерогативу английской монархии. Смысл ее заключался в способности английского монарха действовать независимо от иностранных государей и от власти римского папы. Королевские полномочия, имеющие своим основанием систему общего права, относились к так называемой ординарной прерогативе английской короны. Важнейшей из этой группы прерогатив была необходимость для короля действовать совместно с парламентом при осуществлении законодательства и при обсуждении вопросов о налогообложении. Некоторые полномочия английского монарха проистекали из Священного писания и представляли собой прерогативу по Божественному праву (*jus divinum*). Наконец, четвертая группа привилегий английской короны основывалась на феодальном праве в узком смысле слова (*jus feodale*) и именовалась феодальной прерогативой [3, 8].

Прерогативы, в которых воплощалась королевская власть в раннее Новое время, базировались на двух основаниях. Первым был тезис, заимствованный у Ж. Бодена, полагавшего, что в государстве должна существовать одна суверенная или верховная власть, а не разделение полномочий между монархом и феодальными сеньорами, характерное для средневековья. Вторым важнейшим основанием королевской прерогативы в раннее Новое время была вера в то, что Бог сделал

короля своим наместником на земле, и эта должность является наследственной в правящей династии. В отличие от экстраординарной и ординарной прерогатив, определяющих конкретные сферы применения королевской власти, прерогатива по божественному праву выражалась в совокупности весьма различных концепций идеологического свойства, закреплявших высокий общественный статус королевской власти.

Королевская прерогатива никогда не представляла статичного явления ни в теории, ни в политической практике. Оформившись окончательно к середине XVI в., к концу столетия и особенно в начале XVII в. королевская прерогатива начинает переживать процесс эрозии, связанный с изменением характера общественных отношений в этот период. Феодальная прерогатива постепенно утрачивает свое значение с оформлением отношений частной собственности. Ординарная прерогатива стала местом столкновения политических интересов персональной монархии и парламента по вопросам налогообложения и определения пределов ограничения прав и свобод подданных английской короны. Прерогатива по божественному праву претерпела изменения в результате трансформации самой божественного происхождения государственной власти в теорию общественного договора. Что касается экстраординарной прерогативы, то процесс ее изменения привел к изменению политической формы английского государства, превратив его из «абсолютной» монархии в конституционную.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Fortescue John*. Commendation of the Laws of England. Transl. of «De Laudibus Legum Angliae». Ed. By F. Grigor. – London: Sweet and Maxwell, 1917. – P. 37-40.
2. *Coenigsberger H. G.* Dominium Regale and Dominium Politicum et Regale: Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe. Inaugural Lecture at King's College, Oxford. – L., 1975. – P. 6.
3. *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. – СПб., 2003. – С. 228.
4. *Coke E.* The first Part of the Institutes of the Laws of England, or a Commentary upon Littleton. The Thirteen Edition. – L., 1775. – P. 90.
5. *Bracton H.* On the Laws and Customs of England. – L., 1968. – P. 21.
6. *Britton*. The French Text Carefully Revised, with an English Translation, Introduction and Notes, by Francis Morgan Nichols. – L., 1865. – Vol. 1. – P. 69-74.
7. *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Book I. – L., 1765. – P. 232.
8. *Томсинов В. А.* Прерогативы королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII в. и Петиция о праве 1628 г. // Проблемы истории государства и права. – М., 2009. – С. 77.
9. *Stubbs W.* The Constitutional History of England in its Origin and Development. – Oxford, 1896. – Vol. 2. – P. 542.
10. *Statutes of the Realm*. Printed by Command of HM King George III From Original records & Authentic Manuscripts. – L., 1810. – Vol. 1. – P. 20-26.
11. *Coke E.* The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the Expositions of many Ancient and Other Statutes. – L., 1797. – P. 101-154.
12. *Magna Carta in French* whereunto is added More Statutes than euer was Imprinted in any one Boke before this Time. – L., 1529.
13. *Maitland F.* The Praerogativa Regis // English Historical Review. – 1891. – Vol. 6, № 22. – P. 372-374.
14. *Пайнс Р.* Собственность и свобода. – М., 2000. – С. 181.
15. *Elton G. R.* The Rule of Law in Sixteenth Century England / Studies in Tudor & Stuart Politics and Government. Vol. I. – Cambridge, 1974. – P. 283.

Статью рекомендовал к опубликованию д.ю.н., профессор А.Ю. Мордовцев.

Клочков Виктор Викторович – Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге; e-mail: klochkov@tsure.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: 88634371427; кафедра теории права; к.и.н.; доцент; зав. кафедрой теории права.

Klochkov Victor Victorovich – Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: klochkov@tsure.ru; 44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia; phone: +78634371652; the department of law theory; head the department; associate professor.

УДК 369.032

А.Э. Саак, В.Н. Тюшняков

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ БЮДЖЕТИРОВАНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Рассматриваются вопросы актуальности, специфики применения и проблемы внедрения информационных технологий бюджетирования в системе управления муниципальными финансами. Охарактеризована типология информационных технологий автоматизации бюджетирования. Проанализированы требования, предъявляемые к функциональным характеристикам современных информационных технологий, применяемых в сфере бюджетирования, учитывающие специфику системы управления муниципальными финансами. Предложены рекомендации по внедрению информационных технологий бюджетирования.

Технологии бюджетирования; муниципальные финансы; инструментарий поддержки финансовых решений.

A.E. Saak, V.N. Tushnyakov

APPLICATION OF INFORMATION TECHNOLOGY OF BUDGETING IN MUNICIPAL MANAGEMENT

Questions of an urgency, specificity of application and problem of introduction of information technology of budgeting in a control system of the municipal finance are considered. The typology of information technology of automation of budgeting is characterized. The requirements shown to functional characteristics of modern information technology, applied in sphere the budgetings considering specificity of a control system by the municipal finance are analysed. Recommendations about introduction of information technology of budgeting are offered.

Technologies of budgeting; the municipal finance; toolkit of support of financial decisions.

Проблема постановки системы бюджетирования в управлении муниципальными финансами актуальна в связи с необходимостью получать постоянную объективную информацию о денежных потоках, повысить финансовую дисциплину и ответственность каждого подразделения, выполнить финансовые показатели в разрезе каждого финансового центра, сбалансировать местный бюджет для покрытия необходимых и обоснованных расходов. Система бюджетирования предполагает многовариантный анализ финансовых последствий реализации намеченных планов, предусматривает анализ различных сценариев изменения финансового состояния, оценки финансовой устойчивости в изменяющихся условиях социально-экономической среды.

Как управленческая технология бюджетирование включает 3 составные части [4, 11]: